

Много лет назад въехала наша семья в новёхонькую девятиэтажку на улице Коробкова. Под самую крышу определила нас бумажка жребия, который пайщики тянули на общем собрании. Переселившись сюда из частного домика, так сказать, «от земли», мы долго привыкали к высоте, с замиранием сердца разглядывая из окна свой двор и широкие газоны возле дома, которые так и заманивали хозяйственных рукодельниц превратить их в райские садики: разбить клумбы, выложить альпийские горки... Да мало ли какую фантазию можно было здесь реализовать? Несколько человек взялись за лопаты, работа закипела.

Негласный закон указывал на то, что газоны принадлежат жильцам первых этажей, но некоторые из них не хотели возиться с землёй и охотно уступали это дело всем желающим. Однако Александр из нашего подъезда никому свою землю уступать не хотел и клумбами её украшать не спешил.

Сашка жил в трёхкомнатной квартире, и под своими тремя окнами он сплошняком посадил кусты белых роз, не тех, что слывут капризными гордячками и растут поодиночке, а распространённые парковые розы сорта Альба, которые неприхотливо

и охотно располагаются повсеместно во дворах, скверах, на газонах, активно кустясь и вымахивая выше человеческого роста.

Нет, Альба тоже славную историю имеет, она даже стала символом герба английской династии Йорков, её сам Плиний упоминал в своих трудах. Но со времён Плиния прошла уйма времени, и душистый кустарник даже в нашей Твери перестал быть редкостью. Вот и Сашкины розочки разрослись несусветно. Сплошной колючий массив, благоуханный и неприступный. Но это для людей, а вот воробьи очень даже ладили с культурной колючкой и с удовольствием проводили здесь свои шумливые собрания. Соберутся огромной толпой и дебаты устраивают. Шумят во всю ивановскую! Так звонко чирикают, будто вопрос жизни и смерти у них — перекричать соседа. Когда я выхожу на улицу, сначала минутку-две стою, слушая их гомон, наслаждаюсь, а потом уже иду по делам.

А в прошлом году, в марте, я однажды вышла на улицу и сразу почувствовала, будто на крыльце что-то не так. Через пару секунд поняла, что тишина стоит непривычная. Впервые за много дней я не услышала своих крикунишек. Тишина была какая-то необычная, тревожная. Я сощурилась на заросли, пригнулась даже. Да вот же они! Сидят! Много-много сереньких комочков. Но молчат как рыбы. Я не успела удивиться и спросить их, что это, мол, вы примолкли-то, как вдруг сверху раздался громкий карк вороны. Да такой угрожающий! Вот это номер! Ведь воробьи и вороны обычно ладили, жили каждый своей жизнью, в которой порою ворона снисходительно позволяла воробьишке крошку у неё из-под клюва ухватить, и ничего. А тут такие

угрозы! Я голову подняла, чтоб на эту цыганистую бестию глянуть, а сверху откуда-то вдруг пёстрым метеором в наши заросли — какая-то крупная птица! И колючки ей нипочём! Ястреб! Бедные воробы издали коротенькое дружное «Ах!» и снова замолкли.

Ястреб ловко вывернулся из кустарника и взмыл в высоту. Без добычи. Я облегчённо вздохнула. И вдруг на него с самой высокой берёзы с громким воплем спикировала ворона! За нею другая! А третья спешила, горланя, от соседнего дома! Ястреб метнулся в одну сторону, в другую, но везде наткнулся на разгневанных защитниц. Их было уже пятеро. Незадачливый охотник, уворачиваясь от крепкого клюва и когтей очередной нападающей, заложил слишком крутой вираж и врезался в стену дома. Беспомощно всколыхнулись крылья, и загнанный хищник рухнул на балкон восьмого этажа. Да и затаился там. Грозный вороний патруль с воинственными криками кружил поблизости.

Ах, как хотелось мне узнать дальнейшую судьбу этого турнира, но я опаздывала на работу и вынуждена была покинуть место пернатого боя. Всю смену с восхищением вспоминала храбрых ворон, дружно защищавших свою территорию, а вместе с нею и маленьких беспомощных воробышков.